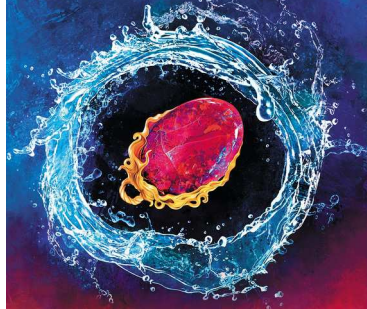

Это лучше, чем «Голодные игры»
MTV's Hollywood Crush

МЯТЕЖНОЕ СЕРДЦЕ

Мойра Янг

Мойра Янг
Мятежное сердце
Серия «Хроники песчаного моря», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6884095
Мятежное сердце: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-081724-5

Аннотация

Казалось, все так очевидно: свергнуть тирана, спасти брата — и мир возродится! Ангел Смерти — Саба — не знает поражений. Но какова цена этих побед? В погоню за Сабой устремляются призраки прошлого. Грозным настоящим поднимается новый враг. Силы подтачивает горечь предательства.

Перекресток судьбы: опасность, предательство и страсть.
Ангел Смерти, твой выбор?

Содержание

Джек	4
Пустоши	15
Змеиная река	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мойра Янг

Мятежное сердце

Роман

Посвящается моим сестрам

Джек

День клонится к вечеру. С самого утра дорога идет вдоль длинного ряда осветительных мачт. То есть сейчас от них остались только железные остовы, а световыми мачтами они были давным-давно, в незапамятные времена, когда на земле еще жили Разрушители. По сторонам — неровные, какие-то выцветшие холмы, почерневшая обгорелая трава и колючий кустарник.

Палящие лучи летнего солнца лупят прямо в макушку. Шляпа влажная от пота. На лице, на сапогах, на одежде налет многодневной пыли. Путник облизывает пересохшие губы, ощущая пыльный привкус. Позади — жуткая скачка по безводной местности. Дорога взбирается по крутому склону и переваливает через гребень в лощину, во внезапную зеленую свежесть. Воздух напоен ароматом сосен.

Джек натягивает поводья. Глубоко, благодарно дышит. Впитывает в себя пейзаж. Посреди лощины блестит на солнце небольшое озерцо. На берегу — лачуга, сложенная из камней, старых покрышек и разного другого мусора; крыша из коры, и все вместе для прочности обмазано глиной. На ухоженном клочке земли работают трое: мужчина, женщина и девочка-подросток.

— Люди, наконец-то! — Джеку уже много дней не с кем было словом перемолвиться, кроме белого мустанга по кличке Аякс. Одиночество начинало заметно давить на плечи.

— А я-то думал, что один на всей земле остался, — вслух произносит Джек.

Он едет дальше. Насвистывает. Люди бросают работу, подходят ближе к дороге. Джек здороваётся. Семья держится настороженно. Усталые лица, опасливые взгляды. Здешние жители не привыкли к чужакам, не интересуются внешним миром и не расположены к разговорам. Ничего страшного. Увидел живых людей — на душе и полегчало.

Мужчина вымотан до предела. Женщина больна. Умирает, судя по всему. Джек в таких вещах разбирается. Желтоватая кожа, губы крепко сжаты. Видать, от сильной боли. Девочке лет четырнадцать, с виду крепкая. Уставилась на свои ботинки, глаз не поднимает и молчит, даже когда Джек прямо к ней обращается. Некрасивое плоское лицо озаряется любовью, когда из лачуги выбегает маленький мальчик и зовет ее по имени: Несса, Несса!

Веселый малыш просто чудо. Босые ножки, круглые глаза, годика четыре от роду, зовут Робби. Родные на него не наглядятся. Сразу видно, едва верят своему счастью. Карапуз прижимается к ногам сестры, увлеченно сосет палец и разглядывает Джека. И что видит? Потрепанная шляпа с широкими полями. Серебристые глаза. Худое загорелое лицо несколько недель не знало бритвы. Длинный плащ покрыт пылью, сапоги стоптаны. Лук за плечом, на поясе целый арсенал — арбалеты, праща, лассо и длинный нож.

— Бу! — говорит Джек. Ротик малыша сам собой раскрывается. Пальчик выскакивает наружу.

Джек рычит. Робби с восторженным визгом срывается с места и мчится к озеру. Несса гонится за ним. Вся лощина звенит от их смеха.

Родители — люди необщительные, но не злые. Дают Джеку и его коню напиться, помыться и поесть, предлагают ночлег, однако Джек спешит дальше. В сумерках он снова отправляется в путь. Здешние жители трудяги, им вставать засветло. Наверняка лягут спать, как только чужак скроется из виду.

До пояса бурь ехать еще дня три, а Джек именно туда и направляется. В таверну под названием «Гиблое дело», к старому другу по имени Молли. Везет плохие вести. Хуже некуда. Поскорей бы с ними разделаться. Тогда можно будет развернуть коня и двинуться на запад.

На запад. К Большой воде. Там он обещал с ней встретиться.

Джек вытаскивает из-за ворота камешек на кожаном шнурке. Гладкий, светло-розовый, прохладный на ощупь. Размером с палец, а по форме округлый, как птичье яйцо.

Говорят, Сердечный камень может привести к твоему самому заветному желанию.

Ее камень. Джек поедет на запад и отыщет ее.

Саба!

Я найду тебя.

У выезда из лощины Аякс вдруг останавливается. Вздергивает голову и тихонько ржет. Что-то впереди неладно. Джек не раздумывает, мигом сворачивает с дороги в заросли низеньких сосен и зажимает морду мустанга ладонью. Из укрытия следит, как они проезжают мимо.

Тонтоны. Девять всадников в черных плащах сопровождают запряженную буйволами телегу, в которой едет какая-то парочка. Впереди командир, за ним четверо верховых, затем телега, следом еще трое всадников. Девятый правит повозкой с пустой клеткой для пленника.

Джек не сводит с них глаз. Тонтонов он хорошо знает. Грязные, неотесанные, чуть что — готовы в драку. Сборище головорезов, прибившихся к власти. Никого не ценят, ни о ком не думают, кроме себя, отчитываются только перед своим хозяином, и то если сами захотят. А эти какие-то другие. Чисто одеты, хорошо вооружены, сбруя у лошадей блестит и сверкает. И держатся дисциплинированно. Целеустремленно как-то.

Джеку становится не по себе. Похоже, враг изменил правила игры.

Двое в телеге — молодые, крепкие и здоровые. Парень и девушка лет шестнадцати-семнадцати, не больше. Сидят рядышком. Парень в одной руке держит вожжи, другой обнял девушку за талию, но между ними все-таки остается просвет. Оба напряжены, словно едва знают друг друга.

Смотрят прямо вперед, задрав подбородок. Решительно, даже гордо. Они явно не пленники.

Телега нагружена мебелью и всякой утварью, необходимой для хозяйства.

Девушка внезапно оборачивается. Всматривается в гущу сосен. Будто почуяла, что там кто-то есть. Джек знает, что хорошо укрыт и в сумерках его не видно, а все-таки невольно пятится поглубже в заросли. Девушка еще долго оглядывается, хотя повозка уже проехала мимо. Парень и тонтоны, похоже, ничего не замечают.

Джек успевает разглядеть на лбу девушки клеймо. Совсем свежее, не зажившее еще. У парня тоже. Круг, разделенный на четыре четверти.

Телега с сопровождением направляется к дому в лощине. Они везут с собой пустую клетку.

Джеку уже не просто не по себе, а прямо-таки тревожно.

Он тихонько пробирается вслед за телегой, ведя коня в поводу и стараясь держаться за деревьями.

* * *

Темнеет, но дом в лощине хорошо видно с высоты. Тонтоны у двери.

Трудно устоять на месте — ноги сами несут вниз. Рука тянется к луку. Джек ее удерживает. Он знает — судьба обитателей дома уже решена. То, что должно случиться, ему не остановить.

Но можно хотя бы стать свидетелем. Стиснув кулаки и задыхаясь от ярости, Джек наблюдает за происходящим в лощине.

Семью разбудили и вывели во двор. Усталые родители и двое детей, Несса и Робби, сгрудились под прицелом огнестрелов. Начальник тонтонов произносит краткую речь. Должно быть, объясняет, что собирается делать и почему. Слова только еще больше сбивают с толку и без того напуганных, растерянных людей.

Почему не обойтись без объяснений? Наверное, так положено по инструкции.

Клейменная парочка дожидается в телеге. Готовы войти в свой новый дом. Перераспределение земельных участков, вот в чем суть.

Сверху люди и постройки кажутся совсем крохотными. Кукольными. Слов не разобрать, но в голосах прежних обитателей слышен страх. Несса падает на колени. Прижимает к себе братика, умоляет о пощаде. Один тонтон оттаскивает Робби, двое других хватают девочку за руки и ведут к телеге с клеткой. Несса вырывается, оглядывается на родителей.

Обоих убивают одновременно. Арбалетная стрела в лоб, и муж с женой оседают на землю. Несса отчаянно кричит. На этот раз Джек отчетливо слышит слова.

— Беги, Робби! — кричит она. — Беги!

Малыш брыкается, кусает тонтона за руку. Тонтон, охнув, выпускает мальчика. Робби мчится по лугу изо всех своих силенок. Сестра кричит ему вслед — «Быстрее, быстрее!» Но сейчас лето, колосья уже высокие, а малышу всего четыре годика.

Начальник выкрикивает приказы. Один из его подчиненных бросается в погоню. Поздно. Молодой поселенец выскакивает из телеги, целится из огнестрела. Ему не терпится вселиться в новое жилье. Выстрел. Робби падает.

Начальник недоволен. Операция должна была пройти гладко, а тут такое нарушение дисциплины. Они с поселенцем орут друг на друга, и вдруг Несса начинает выть. От этого звука, полного горя и бессильной ярости, у Джека мороз по коже.

Крича и плача, Несса пытается кое-как прикрыться лохмотьями разорванной рубахи. Мужчины смеются, заворачивают ей руки за спину. Один грубо лапает девочку.

Начальник вскидывает оружие и стреляет ему в голову.

Среди общей суматохи Несса дотягивается до чьего-то арбалета. Направляет стрелу себе в рот и нажимает на спуск.

Джек отворачивается. С трудом переводит дыхание, уткнувшись лбом в шею белого мустанга. Аякс беспокойно переступает копытами.

Да, напортачили ребята. Наверняка им было поручено убить больных и слабых взрослых, а крепких детишек, Нессу и Робби, забрать. Вместо этого погибли все.

Тонтоны и впрямь играют по новым правилам. Давно уже ходили слухи о захвате участков и перераспределении земель, но это было дальше, к востоку. Бедствие распространяется, словно чума.

Если нынче здесь территория тонтонов, так ведь пояс бурь совсем рядом. Значит, Молли в опасности.

Джеку уже не просто тревожно, а по-настоящему страшно.

* * *

По большой дороге дальше ехать опасно.

Джек с Аяксом движутся незнакомыми, нехоженными тропами. Каменистая почва, безлюдная местность. Изредка вдали завиднеется путник, но каждый раз исчезает, не приближаясь, — должно быть, такой же зоркий, как сам Джек, и точно так же стремится быть незамеченным. Джек торопит коня, иногда останавливается передохнуть на час-другой. Времени хватает подумать о том, что он увидел.

Тонтоны. Совсем недавно это была частная армия Викария Пинча — психопата, наркобарона и самозванного короля всей Вселенной. Ныне покойного.

На Сосновом холме тонтонов разбили наголову. Сделали это сам Джек с Сабой и Айком, а помогали им Мейв со своими девчонками, Вольными Ястребами, да разбойники, с которыми Мейв заключила временный союз. Саба убила Викария Пинча, однако тонтонов не истребили до последнего человека. А если бы даже истребили... Джек достаточно пожил на свете и знает: зло невозможно до конца уничтожить. Только вроде убил, обернешься, глядь — а оно у тебя за плечом.

Тонтоны выжили, только другими стали. Были заросшими нечесаными оборванцами, а теперь чисто выбриты, с короткой стрижкой. Одежда чистая, и обувь, и все снаряжение. Лошади ухоженные, аж шкура лоснится. Новые, преображенные тонтоны.

Дисциплинка, правда, хромает. Операция в долине пошла вкривь и вкось. Командира слушались плохо. И кое-кто еще хочет играть по старым правилам — вроде того типа, что полез к Нессе. Но командир его пристрелил, быстро и без колебаний. Чтобы всем было ясно: новая игра и правила новые. С нарушителями цацкаться не будут.

Зеленая лощина. Хорошая пахотная земля. Дом. Чистая вода. Тонтоны убивают больную жену и вымотанного непосильной работой мужа. А Робби и Несса — здоровые дети, полные сил. Если бы все пошло по плану, их бы забрали. Вопрос: куда? И откуда приехала парочка поселенцев? Может, их тоже взяли прямо из семьи, но не похоже, чтобы насильно. Они так и рвались поскорее вступить во владение чужим хозяйством. Парень даже принял участие в зачистке. Так сказать, руку приложил.

Что означает разделенный на четыре части круг у них на лбу? В Городе Надежды шлюх клеймили буквой «Ш», а об этом новом знаке Джек раньше не слыхал. Метка на всю жизнь — символ принадлежности к определенной группе населения.

Молодые здоровые люди с клеймом. Захват плодородных земель с источниками воды. Контроль над природными ресурсами. Новые тонтоны, подтянутые и дисциплинированные. Четко выполняют приказы. Чьи приказы? Того, кто выше. Кто действует масштабно, по заранее составленному плану.

Человек с огромной властью. Целеустремленный, умеющий убеждать и очень, очень умный.

Джек знает лишь одного такого человека. К тому же из тонтонов. Он был главным помощником Викария Пинча. Держался в тени. Удрал до начала битвы на Сосновом холме. Бросил своего безумного хозяина на произвол судьбы и даже не оглянулся. Еще и часть людей с собой увел.

Демало.

Это не вчера началось. Если сейчас все достигло такого размаха, значит, первые шаги были сделаны еще при жизни Пинча. Тот и при жизни был беззубым. А Демало, выходит, втайне строил свою империю. Вот и объяснение слухам, что доходили до Джека пару лет назад. Самого Демало Джек почти не знает, зато может сказать наверняка: такой не станет устраивать кровавых переворотов. Не его стиль.

Этот будет действовать тоньше. Кинжал в темноте. Отрава в стакане с вином. Выжидал, как видно, удобного момента. Легко представить, как он усмехался про себя там, на Сосновом холме, когда понял, что за него сделают всю грязную работу.

Как только ухитрился повернуть такое громадное предприятие под самым носом у Викария Пинча? И ведь никто из подручных, тонтонов, его не выдал, не проболтался.

Поразительно. Очень интересно. И крайне тревожно.

Джек многое бы отдал за то, чтобы узнать, что затеял Демало. Где. Как. И почему.

Скорей бы добраться до «Гиблого дела».

* * *

Таверна стоит у перекрестка. Приземистое, обшарпанное строение жметя к земле, а вокруг раскинулась безводная равнина в кольце суровых горных пиков.

«Гиблое дело». Наконец-то.

Из-за тонтонов Джек добирался окольными путями на целую неделю дольше, чем рассчитывал. Он вымотан до предела.

Скоро взойдет солнце. Джек запрокидывает голову. Здесь, в поясе бурь, закат и рассвет — неповторимое зрелище. И точно, жуткие темные тучи уже наползают на небо со всех сторон. Теснятся, толкаются. Буря идет. Сильнейшая сернистая буря.

Аякс пляшет на месте, мотает головой. Джек подгоняет его. У дверей таверны спрыгивает на землю, заводит коня в стойло. В конюшне только одна лошадь — хозяйская кобылка, рыжая лохматая Прю. В кормушке свежее сено, в поилке — вода. У Джека гора с плеч. Всю дорогу он боялся, что застанет пожарище. И все-таки обычно здесь полно лошадей и мулов, иные постояльцы даже на верблюдах приезжают.

Вывеска у дверей таверны поскрипывает на ветру. Хоть краска и облупилась, можно рассмотреть лодочку среди бурного моря. Вот-вот ее накроет волной. Каждый раз, как Джек сюда приезжает, невольно ждет — вдруг лодка уже исчезла. Канула на дно морское.

«Гиблое дело». Нечего сказать, подходящее название. Таверна кое-как сляпана из обломков, что остались от Разрушителей. На эту грудку мусора даже крыса не взглянет. Кажется, дунь — и нету. А ведь простояла долгие годы, и ничего ей не делается. Еще с тех давних времен, когда здесь не шли сернистые дожди. Кругом росла зеленая трава, и на равнине кипела жизнь.

Уже тогда таверна славилась выпивкой и шлюхами. А когда перешла к семейству Пратт, слава о ней загремела на всю округу. Четыре поколения семьи содержали единственное в здешних краях питейное заведение. Драки эпических масштабов, жулики, промышляющие по углам, оглушительная музыка, выпивка, вышибающая из человека дух, и развеселые девчонки самого что ни на есть легкого поведения. Интересно, Лилит все еще работает? Она уж немолода, наверно.

Джек ни разу не видел, чтобы «Гиблое дело» закрывалось, хоть днем, хоть ночью. Скорее всего, Молли проснулась. Она всегда рано встает. Обходится четырьмя часами сна, да иногда днем приляжет подремать.

Джек долго стоит перед дверью. Обдумывает разговор с Молли. Как ей сказать насчет Айка? Никогда еще ему не случалось приносить такие вести. Хорошо бы нужные слова сами пришли.

Он тянет время. Стряхивает пыль со шляпы. Поправляет заткнутое за ленту голубиное перо. Улыбается краешком рта, вспомнив, как Эмми долго выбирала идеальное перо для его старой обтерханной шляпы. Снова нахлобучивает шляпу, лихо сдвигает на затылок.

Поглубже вдыхает и открывает дверь.

* * *

Молли за стойкой перетирает стаканы. Да какие там стаканы — ржавые помятые жестянки на вид еще страшнее, чем в прошлый его приезд. Стопка посуды растет. Можно подумать, у стойки толпа жаждущих. А на самом деле Джек — единственный клиент.

Молли вздрагивает от неожиданности. На миг ее лицо освещается радостью. И еще что-то мелькает в ее глазах. Облегчение. Раз — и пропало. Снова маска. Всезнающая улыбка. Все повидавший взгляд.

У Джека с Молли есть общее прошлое. Там, в прошлом, глубокий омут. Но эта радость — не о нем. Не для него вспыхнул на мгновение неистовый, горячий взор. Молли думает, они приехали с Айком.

Джеку трудно дышать. Комок застрял в горле.

— Ну-ну, — тянет Молли нараспев, — смотрите, кого ветром принесло.

И вновь принимается за работу. Длинные белокурые волосы связаны в пышный хвост. Губы такие, что глаз не отвести. Манящие изгибы. Прямой взгляд. Путники специально делают крюк, лишь бы только побыть с ней в одной комнате. На большее даже самым неотразимым рассчитывать не приходится.

— Привет, Молли, — говорит Джек. — Напомни-ка, что такое неземное создание делает в этом задрипанном притоне?

— Подаю зверское пойло проходимцам вроде тебя, — отвечает она. — А еще раз назовешь мое заведение притоном — за порог выставлю.

— Выставляла уже, — хмыкает Джек. — И в прошлый раз, и в позапрошлый, и еще перед тем. Забыла?

— О, я-то помню, — говорит Молли. — Ну входи, не стесняйся. Что мнешься, словно девица на выданье? Садись, выпей, придвинь табуретку для Айка. Где он там застрял, коней расседлывает?

Джек молчит. Нельзя же такую новость прямо сразу вываливать. Сперва надо пропустить стаканчик... А то и два. Дождаться подходящего момента.

Он придвигает к стойке пару грубо сколоченных табуретов, садится, шмякает на пол седельную сумку, бросает на стойку пояс с оружием. По всей комнате песок. Скопился кучками в углах. Маленькими смерчками завивается у ног.

— Нехорошие дела творятся на свете, Молли, — начинает Джек.

— Добро пожаловать в Новый Эдем, — отзывается она. — Сияющий новый мир.

— Хреновый мир, — поправляет Джек.

— Да он всегда таким был, — вздыхает Молли. — Только теперь еще и людей на сорта делят, одни получше, другие похуже.

— В чем дело-то? — спрашивает Джек. — Тонтонов прямо не узнать. Кто у них главный? При тебе никто не называл фамилию Демало?

— Не слыхала такого. А главного своего они зовут Указующим путь, — отвечает Молли. — Поселенцы... прошу прощения, Управители Земли! Так вот, они говорят о нем с придыханием, будто он и не человек вовсе. Рассказывают, он творит чудеса. Послан к нам, чтобы исцелить землю.

— Уехать бы тебе куда-нибудь, — говорит Джек. — Здесь небезопасно.

— Это точно. Тонтоны выпивку не одобряют, как и шлюх. То есть официально. Да на что им сдалась моя таверна? Они шире смотрят. Пояс бурь их не интересуется. Пришлось отпустить Лилит и других девочек. Сам видишь, клиентов нынче негусто. Ни девок, ни пошла. Никто сюда не сунется.

— Уезжать надо, Молли.

— Здесь мой дом. Я этим заведением с пятнадцати лет управляю. А до меня управлялся мой отец, а еще раньше — дед. Я привычная, всю жизнь разных головорезов окорачиваю.

— Молли, я видел тонтонов в деле, — говорит Джек. — Ты готова отдать жизнь за эту развалюху?

— До этого не дойдет. А если и дойдет, я сумею о себе позаботиться, — уверенно говорит Молли.

— Нехорошо, что ты здесь одна, — хмурится Джек. — Давно девчонки разъехались?

— Да уж порядочно. Мне-то можно рисковать, я сама за себя решаю, а их подставлять негоже.

Джек прищуривается.

— Что ты задумала?

— Ну его, не будем об этом, — обрывает Молли. Ставит перед Джеком полную до краев ржавую жестянку. В непонятной жидкости плаваютдохлый жук.

— Пей, — командует Молли. — За жука денег не возьму. Давай и для Айка налью. У вас, ребята, в горле небось пересохло.

Джек выуживает из банки жука, а Молли наполняет еще одну емкость и поглядывает на дверь.

— Ну что он не идет? Ага, знаю, за конем своим прячется! Тебя вперед выслал, на разведку, а сам струсил. В этом он весь. А говорил, через три месяца вернусь, честное слово, Молли, и больше уж никогда от тебя ни шагу. Ага, как же. Какое там три месяца. Три года, десять месяцев и шесть дней! Я тебе еще тогда говорила, Джек, и сейчас повторю: без Айка чтоб не показывался. Пусть женится, как честный человек, ныне и присно, аминь. А не то я тебя в перегонный куб засуну и на сивуху переработаю! Говорила или нет?

— Говорила, — отзывается Джек.

— Я ведь слово свое всегда держу, так?

— Так.

— И что? — спрашивает Молли.

Джек одним глотком осушает банку. Жидкость обжигает горло.

— Ну и зелье, — произносит он, отдышавшись.

— Полынное виски, — объясняет Молли. — В прошлый вторник сделала. Помогает от клопов, мух и вшей. Натертости у лошади тоже хорошо лечит. Клиент, что пробовал его до тебя, убежал отсюда с воем, на четвереньках.

— Смотри, как бы до смерти кого не отравить, — замечает Джек.

— А может, я уже отравила? Да что этот Аик там копается? — спрашивает Молли небрежно, словно ей все равно. А по глазам видно, что совсем не все равно.

— Ну, еще по одной, и скажу. — Джек толкает к Молли жестянку. — Доливай давай, — напоминает он.

— Сам налей, — отвечает Молли.

Она занята. Рассматривает свое отражение в осколке зеркала. Щиплет себя за щеки, покусывает губы, взбивает волосы и все время косится на дверь. Двадцать девять лет, а как девчонка, у которой сердечко замирает, когда она ждет своего ненаглядного. От этой картины у Джека у самого сердце сжимается.

Он опрокидывает вторую жестянку. В животе все светло. «Давай уже, — мысленно подгоняет он себя, — скажи ей наконец». Но вслух говорит совсем иное:

— Честное слово, Молли, каждый раз, как тебя вижу, ты все краше становишься. Сколько сердец сегодня разбила?

— Хватит болтать, — отмахивается Молли. — Сама знаю, что старуха.

Джек недоверчиво фыркает, и Молли, довольная, улыбается своему отражению в зеркале.

— Состаришься тут, пока Айка дождешься. «Гиблое дело» — это ведь про меня, Джек. Знаешь, почему? Потому что поверила мужским обещаниям. Чтобы Аик да остепенился, осел на одном месте? Скорее солнце светить перестанет.

Надо ей сказать. Вот сейчас, пора.

— Молли, — произносит Джек, — мне надо тебе кое-что...

— А, ладно, хватит об Айке. Ну его. Сам придет, когда с духом соберется. — Молли облакачивается о стойку. — Что это у тебя за страхолюдино на голове? — Она щелчком сбивает шляпу Джека на пол. — Так то лучше. Красавчик ты все-таки, Джек, будь ты неладен! С этими твоими лунными глазами.

— Слушай, Молли. Я, это...

— Ты о ней думаешь хоть иногда? — вдруг спрашивает Молли.

Джек молчит. Уставился в жестянку с виски.

— Ей сейчас было бы шесть, — говорит Молли. — Знаю, что глупо, но... Я люблю иногда воображать, какой она бы выросла. С каким характером. Я думаю, у нее были бы твои глаза. Она ведь была красивая, правда?

— Угу, — тихо отвечает Джек. — Очень.

Он берет руку Молли в ладони. Целует. Они молча смотрят друг на друга. Прошлое застыло в воздухе. То, что, по сути, и не началось, а все-таки накрепко их связало.

— Джек? — Молли всматривается в его лицо. Отшатывается, словно увидела страшное. — Охтыжбожемой, Джек. Ты что-то хочешь мне сказать.

Он резко выдыхает.

— Да, Молли. Понимаешь, тут такое дело... Я, это...

— Чтоб мне пропасть! — восклицает Молли. По ее лицу медленно расплзается улыбка.

Джек хмурится.

— Молли?

— Ха-ха! Вот это да! — Молли хлопает ладонью по барной стойке. — Божежтымой, Джек! Кто она?

— Погоди, ты о чем?

— Эй, не увиливай! Я тебя знаю как облупленного. Кто она, отвечай? — Быстрый взгляд Молли замечает кожаный шнурок на шее Джека. — А это что? — Молли вытягивает из-за ворота рубашки Сердечный камень.

— Надо же! — ахает Молли. — Она тебе подарила Сердечный камень.

— Может, я его нашел, — огрызается Джек.

— Нет-нет, Джек, — я по глазам вижу.

— Не пойму, о чем речь, — упирается Джек.

— Ты что, забыл, с кем говоришь? — смеется Молли. — Меж нами с тобой притворства нет да и быть не может. Сколько я тебя знаю, ты всегда свое сердце на замке держал, а ключик прятал. Похоже, она его нашла.

Джек молчит. Молли смотрит выжидающе.

— Ключи искать — это не по ней, — произносит наконец Джек. — Она взяла и дверь вышибла.

— Ты ее любишь, — говорит Молли.

— Ну, не знаю. Любовь, — это как-то... спокойно слишком. А с ней никакого покоя нету.

— А-а. Вон оно, значит, как.

— Молли, — говорит Джек, — я этого не хотел. Вот совсем не искал ничего такого.

— И незачем искать, — отвечает Молли. — Если надо, судьба тебя сама отыщет. Людям нравится думать, будто они сами своей жизнью распоряжаются, а на самом деле — ничего подобного. Пора бы тебе это знать.

— Она упрямая, каких мало, — говорит Джек. — И всегда уверена, что все лучше всех знает... Особенно когда неправа. Колочая, вредная... Ну просто все недостатки по списку... Хотя я, конечно, никаких таких списков не составлял.

— Но? — подсказывает Молли.

— Но... Богмой, она такая живая, просто огонь. Я, только когда с ней познакомился, понял, как мне раньше было холодно.

— Понимаю, — тихо отзывается Молли.

— Просто... ну... черт, она считает, что я хороший человек.

— А ты и правда хороший. Лучше, чем сам о себе думаешь, — говорит Молли.

— Она молодая еще, — говорит Джек. — Восемнадцать лет.

— Кошмар, — смеется Молли. — Сам-то ты старик!

— Так ведь не в возрасте дело. Тебе ли не знать. И вообще... Все поставить на одного человека... Опасно это.

— Джек, не смей! — говорит Молли яростно. — Не вздумай струсить и удрать. Люди целую жизнь проживают, так и не испытав того, что ты сейчас чувствуешь. Будь с ней. Хоть на час, хоть на день. Месяц, неделю — неважно. Гори вместе с ней, сколько уж вам времени опущено. Так как ее зовут?

Джек глубоко вздыхает.

— Саба, — произносит он. — Ее зовут Саба.

Молли гладит его по щеке.

— Ах, Джек, милый ты мой. Об этом я для тебя и мечтала. Ну разве можно устоять перед этими глазами?

— Она старалась, — усмехается Джек. — Ох как старалась... Только... Молли, послушай, я не об этом собирался...

— Празднуем! — кричит Молли. — Кроме шуток, надо выпить! — Она хохочет, расставляет на стойке длинный ряд жестянок. — Ну где, к чертям, этот Айк? Айк! — вопит Молли во все горло. — Чтоб тебя, хватит уже прятаться! Иди сюда, мы тут пьем за Джека и Сабу!

Она льет виски в жестянки, расплескивает на стол.

— Слушай, Джек, что мне в голову пришло! Я сменю название таверны. Какое еще «Гиблое дело»? Нет уж, пусть зовется Вечной надеждой! А когда Айк войдет в дверь, я его сперва зацелую до смерти, а потом привяжу вот тут к стулу и никуда больше не отпущу. Жизнь слишком коротка. Пора уже мне прислушаться к собственным советам. Конечно, одна я с ним не справлюсь, но, надеюсь, ты мне поможешь? Ты ведь...

— Молли! — Джек хватается за руку. — Пожалуйста, остановись! Черт возьми, Молли. Айк не придет.

Молли замирает. Улыбка сползает с ее лица.

— Пожалуйста, не надо, — шепчет Молли.

Это невыносимо. Но Джек должен ей сказать.

— Айк умер, — произносит Джек. — Молли, его больше нет. Прости меня.

Слезы беззвучно катятся по ее щекам. Молли смотрит Джеку прямо в глаза.

— Месяц назад, — говорит Джек. — Нет... чуть больше. Там... большая драка была. Настоящий бой, не просто кабацкая заварушка. Тонтоны.

— Тонтоны, — шепотом повторяет Молли.

— Мы вернулись на Поля Свободы, — говорит Джек. — Мы сожгли поля шаала. Тонтоны погнались за нами. Там были не только мы с Айком. Еще Саба и разные другие. Молли,

мы дали бой. Мы победили. Пусть совсем ненадолго, добро победило. Мы с Айком были на вершине. Кто бы этому поверил?

— Я, — тихо произносит Молли. — Я всегда знала.

— Он умер у меня на руках, — говорит Джек, — среди друзей. Это была хорошая смерть. Он сам бы так хотел. В самом конце я ему шепнул на ухо: «Айк, Молли тебя любит». Это последнее, что он слышал в жизни.

Минуту Молли стоит неподвижно. Потом кивает. Высвобождает руку.

— Хорошо, что именно ты мне рассказал, — говорит она. — Джек, поезжай к ней. Не теряй даром времени. Гори с ней вместе. Ярче гори. Обещай мне.

— Поедем со мной, — просит Джек. — Пожалуйста.

— Обещай, — повторяет она.

— Обещаю, — отвечает Джек.

— Счастливого пути, Джек.

Молли целует его в щеку. Потом уходит в другую комнату и закрывает за собой дверь. Тишина. Должно быть, Молли зажала себе рот, чтобы не закричать. Лучше бы наревелась от души. Все равно кроме Джека здесь никого нет. Он заходит за стойку и стучит в дверь.

— Молли?

Тишина.

— Молли, он ехал к тебе, — говорит Джек. — Он любил тебя.

— Уйди, — доносится голос Молли из-за двери.

— Не могу я тебя так оставить, — отвечает Джек. — Открой!

— Охтыжбожемой, хоть раз сделай, что просят! — кричит Молли.

Джек снова садится на табурет. Разглядывает ряд полных доверху жестянок. Берет крайнюю, подносит к губам. Он знает, как Молли справляется с горем. Стоит Джеку уехать, она запрет таверну, выплается, а потом напьется до полной отключки. И так снова и снова, пока не затянется свежая рана и можно будет жить дальше.

Он дождется, пока Молли чуть полегчает, и поедет своей дорогой. Джек еще раз вытаскивает из-за ворота камешек на шнурке. Проводит по нему пальцем. Камень прохладный. Совсем не нагрелся от тела. С Сердечными камнями всегда так. Они нагреваются, только когда находишь свое сокровенное желание. Чем оно ближе, тем горячее камень. Когда Саба надела Джеку шнурок на шею, камень обжигал кожу.

— Он поможет найти меня, — сказала Саба.

— Для этого мне камень не нужен, — сказал тогда Джек. — Я найду тебя где угодно.

А потом она его поцеловала. Так, что все мысли вылетели из головы.

Он снова прячет камень под рубашку.

И тут налетает буря. С глухим стуком сыплются на крышу сернистые капли. Скоро хлынет обычный дождь и смоев их напрочь.

С грохотом распаивается дверь. В комнату врывается ветер. Трясет потолочные балки, взметает песок на полу, треплет полы Джекова плаща. Джек встает, прикрыть дверь.

Входят двое. С ног до головы заляпаны сернокислой солью. Кожаные доспехи. Луки. Арбалеты. Длинные черные плащи. Длинные космы. Бороды.

Тонтоны. Прежнего образца.

Опасность! Каждый нерв, каждый мускул у Джека натянут до предела. Но голос звучит ровно, как ни в чем не бывало:

— Ребята, здесь никого нет. Бросили, видать, заведение.

— Я к Лилит, — заявляет один незванный гость. — Где она?

— Я же говорю, уехали все. Сам посмотри, — говорит Джек.

Тонтон смотрит на него в упор. Подходит к двери в углу. За ней коридорчик, четыре комнатки — там раньше девочки принимали клиентов.

— Лилит! — орет в коридоре тонтон. — А ну, выходи!

Слышно, как хлопают двери, одна за другой.

Так, один противник отвлекся. Джек бросает быстрый взгляд на стойку бара. Там лежит его пояс с оружием.

Оставшийся тонтон выхватывает арбалет и наводит на Джека. Потом, не сводя с Джека глаз, подходит к стойке. Выпивает одну из приготовленных жестянок.

Возвращается первый тонтон.

— Куда она делась?

— Не знаю, друг, — отвечает Джек. — В доме ни души.

И тут из-за второй двери раздается вой Молли. Протяжный, звериный крик боли.

— А это тогда кто? — спрашивает тонтон, что пил из жестянки.

Они с Джеком смотрят друг на друга.

— Оставьте ее в покое, — говорит Джек.

Тонтон лениво нацеливает арбалет Джеку прямо в сердце. Улыбается.

— Позови ее, — приказывает он. — Давай. Зови.

Пустоши

Месяц спустя

Я стою на гребне холма. Смотрю, как восходит солнце. Безжалостное, добела раскаленное. Еще один рассвет в Пустошах. Еще один летний день. Пыль, жара. Голод, и жажда, и упреки.

Лу, Томмо, Эмми и я без конца собачимся. Друг друга обвиняем. Кто что не так сказал, не так сделал. из-за кого мы тут застряли. В мертвом краю среди костей. А могли бы сейчас шикарно жить на западе.

За горами. У Большой воды. Там, где воздух пахнет медом. Где меня ждет Джек.

Ох, Джек. Дождись меня. Пожалуйста.

Нам бы давно уже там быть. Эмми говорит, сама земля нас держит. Поймала и не отпускает. Ну сестренка, молчала бы лучше. Она как скажет... И знаешь, что глупость, а вот застрянет в голове, и никак не можешь перестать об этом думать.

Все с самого начала пошло вкривь и вкось. Мы ничего не продумали, просто повернулись и отправились на запад. Четырех таких дураков еще поискать. Ну что поделаешь, столько всякого случилось, не могли мы соображать нормально. Только закончился бой с тонтонами. Мы победили, но ведь еле-еле, и то спасибо Мейв и Вольным Ястребам. Если б не они, нам конец.

Потом еще Джек. Не прощай, говорит, а до свидания, увидимся на западе, и кстати, Саба — ты у меня в крови.

Ясное дело, у меня все мысли только о нем были, да и кроме того нашлось о чем подумать. Лу наконец опять со мной. Я брата искала с того самого дня, как тонтоны увезли его с Серебряного озера. Народоваться не могла, что мы снова вместе.

Не думайте, будто я забыла, что Аик погиб в бою. Сердце ноет всякий раз, как его вспомню. Не так, как у Томмо, правда. Смотреть больно, как он горюет. Наш Томмо и так неразговорчивый, потому что глухой, а теперь мы, считай, и не слышим никогда его странного глухого голоса. За него говорит Эмми. Он вроде не против.

И все-таки главным для нас было, что все мы живы. Как уцелели во всех этих передрагах — неведомо. Еще и Лу освободили, братика моего любимого. Голова кругом пошла от радости, а о прочем мы и думать забыли.

Например, как попасть туда, куда мы собрались.

От большого ума взяли и спросили дорогу у первого встречного, кто попался на пути. Парень на верблюде, из тех, что солью промышляют. Он как раз возвращался с больших соляных озер. У нас в котомках было негусто, смогли ему отдать только пряжку для пояса да пару шнурков. А он нам — пол бурдюка соли и совет — ехать напрямки через Пустоши. Сказал, так быстрее всего доберемся. Мы и поехали. Думали, он знает, о чем говорит.

За пряжку да шnurки хорошего совета не купишь. Он нам не объяснил, почему эти края зовутся Пустошами. Не предупредил о мертвой воде. И что дичи днем с огнем не найдешь. И о зачумленных свалках Разрушителей, что тянутся на целые лиги. И о тех местах, где земля вдруг проваливается под ногами. Идешь себе, и вдруг хоп! — летишь в яму к мертвякам.

Я первая свалилась. Мне уже приходилось оказываться по шею в человеческих костях. Кажется, должна бы привыкнуть. А вот нет, не привыкла.

Смерть мне надоела до смерти.

Потом провалился Смелый, жеребчик Лу. На счастье, Лу не в седле сидел, а вел коня в поводу. Но правую ногу Смелый подвернул. Неделя прошла, а все еще хромает. Вот и сидим здесь, пока не поправится.